

АЖОРАҶ ГОРАҶИ

БАМИРОҶИ

Джордж Гордон Байрон

Беппо

Венецианская повесть

Розалинда. Прощайте, господин путешественник! Старайтесь картавить, носите иноземное платье, принижайте все, что есть хорошего в вашем отечестве, проклинайте свое происхождение и даже хулите бога за то, что он сделал вас таким, какой вы есть. Если не будете все это исполнять, никогда я вам не поверю, что вы имели счастье кататься в гондоле. Шекспир. Как вам это понравится. Действие IV, сц. I.

ПРИМЕЧАНИЕ КОММЕНТАТОРОВ

Венеция, которую в то время очень любила посещать английская знатная молодежь, была тогда тем же, чем в настоящее время является Париж — средоточием распущенности всяческого рода.

I

Известен всем (невежд мы обойдем)

Веселый католический обычай

Гулять вовсю перед святым постом,

Рискуя стать лукавому добычей.

Греши смелей, чтоб каяться потом!

Без ранговых различий и приличий

Все испытать спешат и стар и млад:

Любовь, обжорство, пьянство, маскарад.

II

Когда сгустится ночь под небосклоном
(Чем гуще тьма, тем лучше, господа!).
Когда скучней супругам, чем влюбленным,
И нет у целомудрия стыда,
Тогда своим жрецам неугомонным
Веселье отдается без труда.
Визг, хохот, пенье, скрипки и гитары
И нежный вздох целующейся пары.

III

Вот маски: турок, янки-дудль, еврей,
Калейдоскоп невиданных уборов,
Лент, серпантина, блессток, фонарей,
Костюмы стряпчих, воинов, актеров
Все что угодно прихоти твоей,
Все надевай без дальних разговоров,
И только рясу, — боже сохрани!
Духовных, вольнодумец, не дразни.

IV

Уж лучше взять крапиву для кафтана,
Чем допустить хотя б один стежок,
Которым оскорбилась бы сутана,
Тогда ты не отшутишься, дружок,

Тебя на угли кинут, как барана,
Чтоб адский пламень ты собой разжег,
И по душе, попавшей в когти к бесу,
Лишь за двойную мзду отслужат мессу.

V

Но, кроме ряс, пригодно все, что есть,
От королевских мантий до ливреи,
Что можно с местной Монмут-стрит унести[1]
Для воплощенья праздничной затеи;
Подобных «стрит» в Италии не счесть,
И лишь названья мягче и звучнее.
Из площадей английских словом «пьяцца»
Лишь Ковент-Гарден вправе называться.[2]

VI

Итак, пред нами праздник, карнавал.
«Прощай, мясное!» — смысл его названья.
Предмет забавно с именем совпал:
Теперь наплавь на рыбу все желанья.
Чем объяснить — я прежде сам не знал
Перед постом такие возлиянья?
Но так друзья, прощаясь, пьют вино,
Пока свистка к отплытью не дано.

VII

На сорок дней прости-прощай, мясное!

О, где рагу, бифштекс или паштет!

Все рыбное, да и притом сухое,

И тот, кто соус любит с детских лет,

Подчас со зла загнет словцо такое,

Каких от музыки ввек не слышал свет,

Хотя и склонен к ним британец бравый,

Привыкший рыбу уснащать приправой.

VIII

К несчастью, вас в Италию влечет,

И вы уже готовы сесть в каюту.

Отправьте ж друга иль жену вперед,

Пусть завернут в лавчонку на минуту

И, если уж отплыл ваш пакетбот,

Пускай пошлют вдогонку, по маршруту,

Чилийский соус, перец, тмин, кетчуп,

Иль в дни поста вы превратитесь в труп.

IX

Таков совет питомцу римской веры
Пусть римлянином в Риме будет он!
Но протестанты — вы, о леди, сэры,
Для вас поститься вовсе не закон.
Вы только иностранцы, форестьеры,
Так поглощайте мясо без препон
И за грехи ступайте к черту в лапы!
Увы, я груб, но это кодекс папы.

X

Из городов, справлявших карнавал,
Где в блеске расточительном мелькали
Мистерия, веселый танец, бал,
Арлекинады, мимы, пасторали
И многое, чего я не назвал,
Прекраснейшим Венецию считали.
Тот шумный век, что мною здесь воспет,
Еще, застал ее былой расцвет.

XI

Венецианка хороша доныне:
Глаза как ночь, крылатый взлет бровей,
Прекрасный облик эллинской богини,

Дразнящий кисть мазилки наших дней.

У Тициана на любой картине

Вы можете найти подобных ей

И, увидав такую на балконе,

Узнаете, с кого писал Джорджоне,[3]

XII

Соединивший правду с красотой.

В дворце Манфрини есть его творенье:[4]

Картин прекрасных много в зале той,

Но равных нет по силе вдохновенья.

Я не боюсь увлечься похвалой,

Я убежден, что вы того же мненья.

На полотне — художник, сын, жена,

И в ней сама любовь воплощена.

XIII

Любовь не идеальная — земная,

Не образ отвлеченной красоты,

Но близкий нам — такой была живая,

Таковыми были все ее черты.

Когда бы мог — ее, не рассуждая,

Купил, украл, забрал бы силой ты...

Она ль тебе пригрезилась когда-то?

Мелькнула — и пропала без возврата.

XIV

Она была из тех, чей образ нам
Является неведомый, нежданный,
Когда мы страстным преданы мечтам
И каждая нам кажется желанной,
И, вдруг воспламеняясь, по пятам
Мы следуем за нимфой безымянной,
Пока она не скрылась навсегда,
Как меж Плеяд погасшая звезда.[5]

XV

Я говорю, таких писал Джорджоне,
И прежняя порода в них видна.
Они всего милее на балконе
(Для красоты дистанция нужна),
Они прелестны (вспомните Гольдони[6])
И за нескромным жалюзи окна.
Красоток тьма, — без мужа иль при муже,
И чем они кокетливей, тем хуже.

XVI

Добра не будет: взгляд рождает вздох,
Ответный вздох — надежду и желанье.
Потом Меркурий, безработный бог,
За медный скудо[7] ей несет посланье.
Потом сошлись, потом застал врасплох
Отец иль муж, проведав, где свиданье.
Крик, шум, побег, и вот любви тропа:
Разбиты и сердца и черепа.

XVII

Мы знаем, добродетель Дездемоны
От клеветы бедняжку не спасла.
До наших дней от Рима до Вероны
Случаются подобные дела.
Но изменились нравы и законы,
Не станет муж душить жену со зла
(Тем более — красотку), коль за нею
Ходить, как тень, угодно чичисбею.

XVIII

Да, он ревнует, но не так, как встарь,
А вежливей — не столь остервенело.

Убить жену? Он не такой дикарь,
Как этот черный сатана Отелло,
Заливший кровью брачный свой алтарь.
Из пустяков поднять такое дело!
Не лучше ли, в беде смирясь душой,
Жениться вновь иль просто жить с чужой.

XIX

Вы видели гондолу, без сомненья.
Нет? Так внимайте перечню примет:
То крытый челн, легки его движенья.
Он узкий, длинный, крашен в черный цвет.
Два гондольера в такт, без напряженья,
Ведут его, — и ты глядишь им вслед,
И мнится, лодка с гробом проплывает.
Кто в нем, что в нем — кто ведает, кто знает?

XX

И день-деньской снует бесшумный рой,
И в час ночной его бы вы застали.
То под Риальто[8] пролетят стрелой,
То отразятся в медленном канале,
То ждут разъезда сумрачной толпой,
И часто смех под обликом печали.

Как в тех каретах скорбных, утаен,
В которых гости едут с похорон.

XXI

Но ближе к делу. Лет тому не мало,
Да и не много — сорок — пятьдесят,
Когда все пело, пило и плясало,
Явилась поглядеть на маскарад
Одна синьора. Мне бы надлежало
Знать имя, но, увы, лишь наугад.
И то, чтоб ладить с рифмой и цезурой,
Могу назвать красавицу Лаурой.

XXII

Она, хоть уж была немолода,
Еще в «известный возраст» не вступила,
Покрытый неизвестностью всегда.
Кому и где, какая в мире сила
Открыть его поможет, господа?
«Известный возраст» тайна окружила.
Он так в известном окрещен кругу,
Но невпопад — я присягнуть могу.

XXIII

Лаура время проводить умела,
И время было благосклонно к ней.
Она цвела — я утверждаю смело,
Вы лет ее никак не дали б ей.
Она везде желанной быть хотела,
Боясь морщин, не хмурила бровей,
Всем улыбалась и лукавым взором
Мутила кровь воинственным синьорам.

XXIV

При ней был муж — всегда удобен брак.
У христиан ведь правило такое:
Прощать замужним их неверный шаг,
Зато бесчестить незамужних вдвое.
Скорей же замуж, если что не так,
Хоть средство не из легких, но простое!
А коль греха не скрыла от людей,
Так сам господь помочь не сможет ей.

XXV

Муж плавал по морям. Когда ж, бывало,

Вернувшись, он вблизи родной земли
По сорок дней томился у причала,
Где карантин проходят корабли,
Жена частенько у окна стояла,
Откуда рейд ей виден был вдали.
Он был купец и торговал в Алеппо.[9]
Звался Джузеппе, или просто Беппо.

XXVI

Он человек был добрый и простой,
Сложеньем, ростом — образец мужчины.
Напоминал испанца смуглотой
И золотым загаром цвета глины,
А на морях — заправский волк морской.
Жена его — на все свои причины
Хоть с виду легкомысленна была.
Особой добродетельной слыла.

XXVII

Но лет уж пять, как он с женой расстался.
Одни твердили — он пошел ко дну,
Другие — задолжал и промотался
И от долгов удрал, забыв жену.
Иной уж бился об заклад и клялся,

Что не вернется он в свою страну,
Ведь об заклад побиться все мы прытки,
Пока не образумят нас убытки.

XXVIII

Прощание супружеской четы
Необычайно трогательно было.
Так все «прости» у роковой черты
Звучат в сердцах пророчески-уныло.
(И эти чувства праздны и пусты,
Хоть их перо поэтов освятило.)
В слезах склонил колени перед ней
Дидону покидающий Эней.

XXIX

И год ждала она, горюя мало,
Но вдруг себя представила вдовой,
Чуть вовсе аппетит не потеряла
И невтерпеж ей стало спать одной.
Коль ветром с моря ставни сотрясало,
Казалось ей, что воры за стеной
И что от скуки, страха или стужи
Теперь спасенье только в вице-муже.

XXX

Красавицы кого ни изберут,
Им не перечь — ведь женщины упрямы.
Она нашла, отвергнув общий суд,
Поклонника из тех — мы будем прямы,
Кого хлыщами светскими зовут.
Их очень любят, хоть ругают дамы.
Заезжий граф, он был красив, богат
И не дурак пожить, как говорят.

XXXI

Да, был он граф, знаток балета, скрипки,
Стиха, владел французским языком,
Болтал и на тосканском без ошибки,
А всем ли он в Италии знаком?
Арбитром был в любой журнальной сшибке,
Судил театр, считался остряком,
И «seccatura»[10] графское бывало
Любой премьере вестником провала.

XXXII

Он крикнет «браво», и весь первый ряд
Уж хлопает, а критики — ни слова.
Услышит фальшь — и скрипачи дрожат,
Косясь на лоб, нахмуренный сурово.
Проронит «фи» и кинет строгий взгляд
И примадонна зарыдать готова,
И молит бас, бледнее мела став,
Чтобы сквозь землю провалился граф.

XXXIII

Он был импровизаторов патроном,
Играл, и пел, и в рифмах был силен.
Рассказчик, славу делавший салонам,
Плясал как истый итальянец он
(Хоть этот их венец, по всем законам,
Не раз бывал французам присужден).
Средь кавальеро первым быть умея,
Он стал героем своего лакея.

XXXIV

Он влюбчив был, но верен. Он не мог
На женщину глядеть без восхищенья.
Хоть все они сварливы, есть грешок,
Он их сердцам не причинял мученья.

Как воск податлив, но как мрамор строг,
Он сохранял надолго увлеченья
И, по законам добрых старых дней,
Был тем верней, чем дама холодней.

XXXV

В такого долго ль женщине влюбиться,
Пускай она бесстрашна, как мудрец!
Надежды нет, что Беппо возвратится,
Как ни рассудишь — он уже мертвец.
И то сказать: не может сам явиться,
Так весточку прислал бы наконец!
Нет, муж когда не пишет, так, поверьте,
Он или умер, иль достоин смерти!

XXXVI

Притом южнее Альп уже давно,
Не знаю, кто был первым в этом роде,
В обычай двоемужье введено,
Там *cavalier servente*[11] в обиходе,
И никому не странно, не смешно,
Хоть это грех, но кто перечит моде!
И мы, не осуждая, скажем так:
В законном браке то внебрачный брак.

XXXVII

Когда-то было слово *cicisbeo*, [12]
Но этот титул был бы ныне дик.
Испанцы называют их *cortejo* [13]
Обычай и в Испанию проник.
Он царствует везде, от По до Тајо, [14]
И может к нам перехлестнуться вмиг,
Но сохрани нас бог от этой моды,
Пойдут суды, взыскания, разводы.

XXXVIII

Замечу кстати: я питаю сам
К девицам и любовь и уваженье,
Но в *tete-a-tete* [15] ценю я больше дам,
Да и во всем отдам им предпочтенье,
Причем ко всем народам и краям
Относится равно мое сужденье:
И знают жизнь, и держатся смелей,
А нам всегда естественность милей.

XXXIX

Хоть мисс, как роза, свежестью сверкает,
Но неловка, дрожит за каждый шаг,
Пугливо-строгим видом вас пугает,
Хихикает, краснеет, точно рак.
Чуть что, смутясь, к мамаше убегает,
Мол, я, иль вы, иль он ступил не так.
Все отдает в ней нянькиным уходом,
Она и пахнет как-то бутербродом.

XL

Но cavalier servente — кто же он?
Свет очертил границы этой роли.
Он быть рабом сверхштатным обречен,
Он вещь, он часть наряда, но не боле,
И слово дамы для него — закон.
Тут не ленись, для дел большое поле:
Слугу, карету, лодку подзывай,
Перчатки, веер, зонтик подавай!

XLI

Но пусть грешит Италия по моде!
Прощаю все пленительной стране,
Где солнце каждый день на небосводе,

Где виноград не лепится к стене,
Но пышно, буйно вьется на свободе,
Как в мелодрамах, верных старине,
Где в первом акте есть балет — и задник
Изображает сельский виноградник.

XLII

Люблю в осенних сумерках верхом
Скакать, не зная, где мой плащ дорожный
Забыт или у грума под ремнем
(Ведь в Англии погоды нет надежной!).
Люблю я встретить на пути своем
Медлительный, скрипучий, осторожный,
Доверху полный сочных гроздий воз
(У нас то был бы мусор иль навоз).

XLIII

Люблю я винногодника-птицу,
Люблю закат у моря, где восход
Не в мути, не в тумане возгорится,
Не мокрым глазом пьяницы блеснет,
Но где заря, как юная царица,
Взойдет, сияя, в синий небосвод,
Где дню не нужен свет свечи заемный,

Как там, где высь копит наш Лондон темный.

XLIV

Люблю язык! Латыни гордый внук,
Как нежен он в признаньях сладострастных!
Как дышит в нем благоуханный юг!
Как сладок звон его певучих гласных!
Не то что наш, рожденный в царстве вьюг
И полный звуков тусклых и неясных,
Такой язык, что, говоря на нем,
Мы харкаем, свистим или плюем.

XLV

Люблю их женщин — всех, к чему таиться!
Люблю крестьянок — бронзу смуглых щек,
Глаза, откуда брызжет и струится
Живых лучей сияющий поток.
Синьор люблю — как часто взор мне снится.
Чей влажный блеск так нежен и глубок.
Их сердце — на устах, душа — во взоре,
Их солнце в нем, их небеса и море.

XLVI

Италия! Не ты ль эдем земной!
И не твоей ли Евой вдохновленный,
Нам Рафаэль открыл предел иной!
Не на груди ль прекрасной, упоенный,
Скончался он! Недаром даже твой
Да, твой язык, богами сотворенный,
И он бессилен передать черты
Доступной лишь Канове[16] красоты!

XLVII

Хоть Англию клянет душа поэта,
Ее люблю, — так молвил я в Кале,
Люблю болтать с друзьями до рассвета,
Люблю в журналах мир и на земле,
Правительство люблю я (но не это),
Люблю закон (но пусть лежит в столе),
Люблю парламент и люблю я пренья,
Но не люблю я преть до одуренья.

XLVIII

Люблю я уголь, но недорогой,
Люблю налоги, только небольшие,

Люблю бифштекс, и все равно какой,
За кружкой пива я в своей стихии.
Люблю (не в дождь) гулять часок-другой,
У нас в году два месяца сухие.
Клянусь регенту,[17] церкви, королю,
Что даже их, как все и вся, люблю.

XLIX

Налог на нищих, долг национальный,
Свой долг, реформу, оскудевший флот,
Банкротов списки, вой и свист журнальный
И без свободы множество свобод,
Холодных женщин, климат наш печальный
Готов простить, готов забыть их гнет
И нашу славу чтить — одно лишь горе:
От всех побед не выиграли б тори!

L

Но что ж Лаура? Уверяю вас,
Мне, как и вам, читатель, надоело
От темы отклоняться каждый раз.
Вы рады ждать, но все ж не без предела,
Вам досадил мой сбивчивый рассказ!
До авторских симпатий нет вам дела,

Вы требуете смысла наконец,
И вот где в затруднении певец!

LI

Когда б легко писал я, как бы стало
Легко меня читать! В обитель муз
Я на Парнас взошел бы и немало
Скропал бы строф на современный вкус.
Им публика тогда б рукоплескала,
Герой их был бы перс или индус,
Ориентальность я б, согласно правил,
В сентиментальность Запада оправил.

LII

Но, старый денди, мелкий рифмоплет,
Едва-едва я по ухабам еду.
Чуть что — в словарь, куда мой перст ни ткнет,
Чтоб взять на рифму стих мой непоседу.
Хорошей нет — плохую в оборот,
Пусть критик сзади гонится по следу!
С натуги я до прозы пасть готов,
Но вот беда: все требуют стихов!

LIII

Граф завязал с Лаурой отношенья.

Шесть лет (а это встретишь не всегда)

Их отношенья длились без крушенья,

Текли чредою схожею года.

Одна лишь ревность, в виде исключенья,

Разлад в их жизнь вносила иногда,

Но смертным, от вельможи до бродяги,

Всем суждены такие передряги.

LIV

Итак, любовь им счастье принесла,

Хоть вне закона счастья мы не знаем.

Он был ей верен, а она цвела,

Им в сладких узах жизнь казалась раем.

Свет не судил их, не желал им зла.

«Черт вас возьми!» — сказал один ханжа им

Вослед, но черт не взял: ведь черту впрок,

Коль старый грешник юного завлек.

LV

Еще жила в них юность. Страсть уныла

Без юности, как юность без страстей.
Дары небес: веселье, бодрость, сила,
Честь, правда — все, все в юности сильней.
И с возрастом, когда уж кровь остыла,
Лишь одного не гасит опыт в ней,
Лишь одного, — вот отчего, быть может,
Холостяков и старых ревность гложет.

LVI

Был карнавал. Строф тридцать шесть назад
Я уж хотел заняться сим предметом.
Лаура, надевая свой наряд,
Вертелась три часа пред туалетом,
Как вертятся, идя на маскарад,
И вы, читатель, я уверен в этом.
Различие нашлось бы лишь одно:
Им шесть недель для праздников дано.

LVII

Принарядясь, Лаура в шляпке новой
Собой затмить могла весь женский род.
Свежа, как ангел с карточки почтовой
Или кокетка с той картинки мод,
Что нам журнал, диктатор наш суровый,

На титуле изящно подает
Под фольгой — чтоб раскрашенному платью
Не повредить линяющей печатью.

LVIII

Они пошли в Ридотто. Это зал,
Где пляшут все, едят и пляшут снова.
Я б маскарадом сборище назвал,
Но сути дела не меняет слово.
Зал точно Воксхолл[18] наш, и только мал,
Да зонтика не нужно дождевого.
Там смешанная публика. Для вас
Она низка, и не о ней рассказ.

LIX

Ведь «смешанная» — должен объясниться,
Откинув вас да избранных персон,
Что снизойдут друг другу поклониться,
Включает разный сброд со всех сторон.
Всегда в местах общественных теснится,
Презренье высших презирает он,
Хотя зовет их «светом» по привычке.
Я, зная свет, дивлюсь подобной кличке.

LX

Так — в Англии. Так было в те года,
Когда блистали денди там впервые.
Тех обезьян сменилась череда,
И с новых обезьянят уж другие.
Тираны мод — померкла их звезда!
Так меркнет все: падут цари земные,
Любви ли бог победу им принес,
Иль бог войны, иль попросту мороз.

LXI

Полночный Тор обрушил тяжкий молот,
И Бонапарт в расцвете сил погас.
Губил французов лютый русский холод,
Как синтаксис французский губит нас.
И вот герой, терпя и стыд и голод,
Фортуны проклял в тот ужасный час
И поступил весьма неосторожно:
Фортуны чтить должны мы непреложно!

LXII

Судьба народов ей подчинена,
Вверяют ей и брак и лотерею.
Мне редко благосклонствует она,
Но все же я хулить ее не смею.
Хоть в прошлом предо мной она грешна
И с той поры должок еще за нею,
Я голову богине не дурю,
Лишь, если есть за что, благодарю.

LXIII

Но я опять свернул — да ну вас к богу!
Когда ж я впрямь рассказывать начну?
Я взял с собой такой размер в дорогу,
Что с ним теперь мой стих ни тпру ни ну.
Веди его с оглядкой, понемногу,
Не сбей строфу! Ну вот я и тяну.
Но если только доползти сумею,
С октавой впредь я дела не имею.

LXIV

Они пошли в Ридотто.[19] (Я как раз
Туда отправлюсь завтра. Там забуду
Печаль мою, рассею хоть на час
Тоску, меня гнетущую повсюду.

Улыбку уст, огонь волшебных глаз
Угадывать под каждой маской буду,
А там, бог даст, найдется и предлог,
Чтоб от тоски укрыться в уголок.)

LXV

И вот средь пар идет Лаура смело.
Глаза блестят, сверкает смехом рот.
Кивнула тем, пред этими присела,
С той шепчется, ту под руку берет.
Ей жарко здесь, она б воды хотела!
Граф лимонад принес — Лаура пьет
И взором всех критически обводит,
Своих подруг ужасными находит.

LXVI

У той румянец желтый, как шафран,
У той коса, конечно, накладная,
На третьей — о, безвкусица! — тюрбан,
Четвертая — как кукла заводная.
У пятой прыщ и в талии изъян.
А как вульгарна и глупа шестая!
Седьмая!.. Хватит! Надо знать и честь!
Как духов Банко,[20] их не перечеть.

LXVII

Пока она соседок изучала,
Кой-кто мою Лауру изучал,
Но жадных глаз она не замечала,
Она мужских не слушала похвал.
Все дамы злились, да! Их возмущало,
Что вкус мужчин так нестерпимо пал.
Но сильный пол — о, дерзость, как он смеет!
И тут свое суждение имеет.

LXVIII

Я, право, никогда не понимал,
Что нам в таких особах, — но об этом
Молчок! Ведь это для страны скандал,
И слово тут никак не за поэтом.
Вот если б я витией грозным стал
В судейской тоге, с цепью и с беретом,
Я б их громил, не пропуская дня,
Пусть Вильберфорс[21] цитирует меня!

LXIX

Пока в беседе весело и живо
Лаура светский расточала вздор,
Сердились дамы (что совсем не диво!),
Соперницу честил их дружный хор.
Мужчины к ней теснились молчаливо
Иль, поклонясь, вступали в разговор,
И лишь один, укрывшись за колонной,
Следил за нею как замороженный.

LXX

Красавицу, хотя он турок был,
Немой любви сперва пленили знаки.
Ведь туркам женский пол куда как мил,
И так завидна жизнь турчанок в браке!
Там женщин покупают, как кобыл,
Живут они у мужа, как собаки:
Две пары жен, наложниц миллион,
Все взаперти, и это все — закон!

LXXI

Чадра, гарем, под стражей заточенье,
Мужчинам вход строжайше воспрещен.
Тут смертный грех любое развлеченье,

Которых тьма у европейских жен.
Муж молчалив и деспот в обращенье,
И что же разрешает им закон,
Когда от скуки некуда деваться?
Любить, кормить, купаться, одеваться.

LXXII

Здесь не читают, не ведут бесед
И споров, посвященных модной теме,
Не обсуждают оперу, балет
Иль слог в недавно вышедшей поэме.
Здесь на ученье строгий лег запрет,
Зато и «синих»[22] не найдешь в гареме,
И не влетит наш Бозерби[23] сюда,
Крича: «Какая новость, господа!»

LXXIII

Здесь важного не встретишь рыболова,
Который удит славу с юных дней,
Поймает похвалы скупое слово
И вновь удить кидается скорей.
Все тускло в нем, все с голоса чужого.
Домашний лев! Юпитер пескарей!
Среди ученых дам себя нашедший

Пророк юнцов, короче — сумасшедший.

LXXIV

Меж синих фурий он синее всех,
Он среди них в арбитрах вкуса ходит.
Хулой он злит, надменный пустобрех,
Но похвалой он из себя выводит.
Живьем глотает жалкий свой успех,
Со всех языков мира переводит,
Хоть понимать их не сподобил бог,
Посредствен так, что лучше был бы плох.

LXXV

Когда писатель — только лишь писатель,
Сухарь чернильный, право, он смешон.
Чванлив, ревнив, завистлив — о создатель!
Последнего хлыща ничтожней он!
Что делать с этой тварью, мой читатель?
Надуть мехами, чтобы лопнул он!
Исчерканный клочок бумаги писчей,
Ночной огарок — вот кто этот нищий!

LXXVI

Конечно, есть и те, кто рождены
Для шума жизни, для большой арены,
Есть Мур, и Скотт, и Роджерс — им нужны
Не только их чернильница и стены.
Но эти — «мощной матери сыны»,
Что не годятся даже в джентльмены,
Им лишь бы чайный стол, их место там,
В парламенте литературных дам.

LXXVII

О бедные турчанки! Ваша вера
Столь мудрых не впускает к вам персон.
Такой бы напугал вас, как холера,
Как с минарета колокольный звон.
А не послать ли к вам миссионера
(То шаг на пользу, если не в урон!),
Писателя, что вас научит с богом
Вести беседу христианским слогом.

LXXVIII

Не ходит метафизик к вам вещать
Иль химик — демонстрировать вам газы,

Не пичкает вас бреднями печать,
Не стряпает о мертвецах рассказы,
Чтобы живых намеками смущать;
Не водят вас на выставки, показы
Или на крышу — мерить небосклон.
Тут, слава богу, нет ученых жен!

LXXIX

Вы спросите, зачем же «слава богу»,
Вопрос интимный, посему молчу.
Но, обратившись к будничному слогу,
Биографам резон мой сообщу.
Я стал ведь юмористом понемногу
Чем старше, тем охотнее шучу.
Но что ж — смеяться лучше, чем браниться,
Хоть после смеха скорбь в душе теснится.

LXXX

О детство! Радость! Молоко! Вода!
Счастливых дней счастливый переизбыток!
Иль человек забыл вас навсегда
В ужасный век разбоя, казней, пыток?
Нет, пусть ушло былое без следа,
Люблю и славлю дивный тот напиток!

О царство леденцов! Как буду рад
Шампанским твой отпраздновать возврат!

LXXXI

Наш турок, глаз с Лауры не спуская,
Глядел, как самый христианский фат:
Мол, будьте благодарны, дорогая,
Коль с вами познакомиться хотят!
И, спору нет, сдалась бы уж другая,
Ведь их всегда волнует дерзкий взгляд.
Но не Лауру, женщину с закалкой,
Мог взять нахальством чужестранец жалкий.

LXXXII

Меж тем восток светлеть уж начинал.
Совет мой дамам, всем без исключенья:
Как ни был весел и приятен бал,
Но от бесед, от танцев, угощенья
Чуть свет бегите, покидайте зал,
И сохрани вас бог от искушенья
Остаться — солнце всходит, и сейчас
Увидят все, как бледность портит вас!

LXXXIII

И сам когда-то с пира или бала
Не уходил я, каюсь, до конца.
Прекрасных женщин видел я немало
И дев, пленявших юностью сердца,
Следил, — о время! — кто из них блистала
И после ночи свежестью лица.
Но лишь одна, взлетев с последним танцем,
Одна могла смутить восток румянцем.

LXXXIV

Не назову красавицы моей,
Хоть мог бы: ведь прелестное создание
Лишь мельком я встречал, среди гостей.
Но страшно за нескромность порицанье,
И лучше имя скрыть, а если к ней
Вас повлекло внезапное желанье,
Скорей в Париж, на бал! — и здесь она,
Как в Лондоне, с зарей цветет одна.

LXXXV

Лаура превосходно понимала,

Что значит отплясать, забыв про сон,
Ночь напролет в толпе и в шуме бала.
Знакомым общий отдала поклон,
Шаль приняла из графских рук устало,
И, распрощавшись, оба вышли вон.
Хотели сесть в гондолу, но едва ли
Не полчаса гребцов проклятых звали.

LXXXVI

Ведь здесь, под стать английским кучерам,
Гребцы всегда не там, не в нужном месте.
У лодок так же давка, шум и гам
Вас так помнут, что лучше к ним не лезьте!
Но дома «бобби» помогает вам,
А этих страж ругает с вами вместе,
И брань стоит такая, что печать
Не выдержит, — я должен замолчать.

LXXXVII

Все ж наконец усевшись, по каналу
Поплыли граф с Лаурою домой.
Был посвящен весь разговор их балу,
Танцорам, платьям дам и — боже мой!
Так явно назревавшему скандалу.

Приплыли. Вышли. Вдруг за их спиной
Как не прийти красавице в смятенье!
Тот самый турок встал как привиденье.

LXXXVIII

«Синьор! — воскликнул граф, прищурив глаз,
Я вынужден просить вас объясниться!
Кто вы? Зачем вы здесь и в этот час?
Быть может... иль ошибка здесь таится?
Хотел бы в это верить — ради вас!
Иначе вам придется извиниться.
Признайте же ошибку, мой совет».
«Синьор! — воскликнул тот, — ошибки нет,

LXXXIX

Я муж ее!» Лауру это слово
Повергло в ужас, но известно всем:
Где англичанка пасть без чувств готова,
Там итальянка вздрогнет, а затем
Возденет очи, призовет святого
И в миг придет в себя — хоть не совсем,
Зато уж без примочек, расшнуровок,
Солей, и спирта, и других уловок.

XC

Она сказала... Что в беде такой
Могла она сказать? Она молчала.
Но граф, мгновенно овладев собой:
«Прошу, войдемте! Право, толку мало
Комедию ломать перед толпой.
Ведь можно все уладить без скандала.
Достойно, согласитесь, лишь одно:
Смеяться, если вышло так смешно».

XCI

Вошли. За кофе сели. Это блюдо
И нехристи и христиане чтут,
Но нам у них бы взять рецепт не худо.
Меж тем с Лауры страх слетел, и тут
Пошло подряд: «Он турок! Вот так чудо!
Беппо! Открой же, как тебя зовут.
А борода какая! Где, скажи нам,
Ты пропадал? А впрочем, верь мужчинам!

XCII

Но ты и вправду турок? Говорят,
Вам служат вилкой пальцы. Сколько дали
Там жен тебе в гарем? Какой халат!
А шаль! Как мне идут такие шали!
Смотри! А правда, турки не едят
Свинины? Беппо! С кем вы изменяли
Своей супруге? Боже, что за вид!
Ты желтый, Беппо. Печень не болит?

XCIII

А бороду ты отрастил напрасно.
Ты безобразен! Эта борода...
На что она тебе? Ах да, мне ясно:
Тебя пугают наши холода.
Скажи, я постарела? Вот прекрасно!
Нет, Беппо, в этом платье никуда
Ты не пойдешь. Ты выглядишь нелепо!
Ты стриженный! Как поседел ты, Беппо!»

XCIV

Что Беппо отвечал своей жене
Не знаю. Там, где камни древней Трои
Почиют ныне в дикой тишине,
Попал он в плен. За хлеб да за побои

Трудился тяжело, раб в чужой стране.
Потом решил помериться с судьбою,
Бежал к пиратам, грабил, стал богат
И хитрым слыл, как всякий ренегат.

ХСV

Росло богатство и росло желанье
Вернуться под родимый небосклон.
В чужих краях наскучило скитанье,
Он был там одинок, как Робинзон.
И, торопя с отчизною свиданье,
Облюбовал испанский парус он,
Что плыл на Корфу. То была полакка,[24]
Шесть человек и добрый груз tobacco.

ХСVІ

С мешком монет, — где он набрать их мог!
Рискуя жизнью, он взошел на судно.
Он говорит, что бог ему помог.
Конечно, мне поверить в это трудно,
Но хорошо, я соглашусь, что бог,
Об этом спорить, право, безрассудно.
Три дня держал их штиль у мыса Бон,[25]
Но все же в срок доплыл до Корфу он.

ХСVII

Сойдя, купцом турецким он назвался,
Торгующим — а чем, забыл я сам,
И на другое судно перебрался,
Сумев мешок свой погрузить и там.
Не понимаю, как он жив остался.
Но факт таков: отплыл к родным краям
И получил в Венеции обратно
И дом, и веру, и жену, понятно.

ХСVIII

Приняв жену, вторично окрещен
(Конечно, сделав церкви подношение),
День проходил в костюме графа он,
Языческое скинув облачение.
Друзья к нему сошлись со всех сторон,
Узнав, что он не скуп на угощение,
Что помнит он историй всяких тьму.
(Вопрос, конечно, верить ли ему!)

ХСIX

И в чем бедняге юность отказала,
Все получил он в зрелые года.
С женой, по слухам, ссорился немало,
Но графу стал он другом навсегда.
Листок дописан, и рука устала.
Пора кончать. Вы скажете: о да!
Давно пора, рассказ и так уж длинен.
Я знаю сам, но я ли в том повинен!

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэма написана в период между 6 сентября-12 октября 1817 г. Полностью закончена 25 марта 1818 г. Впервые опубликована 28 февраля 1818 г. (95 строф). В пятом издании, вышедшем в свет 4 мая 1818 г., объем достиг 99 строф.

1

Что можно с местной Монмут-стрит унести... — На Монмут-стрит в Лондоне в XVIII в. были расположены главным образом лавки старьевщиков.

2

Из площадей английских словом «пьяцца» // Лишь Ковент-Гарден вправе называться. — Пьяцца — площадь

(итал.). В Лондоне северную часть площади Ковент-гарден часто называют «пьяцца» и поныне.

3

Тициан (1477–1576) и Джорджоне (1477–1510) — великие итальянские художники Возрождения.

4

В дворце Манфрини есть его творенье... — Имеется в виду картина Джорджоне «Семья художника».

5

...Как меж Плеяд погасшая звезда. — По древнегреческому мифу, Плеяды семь сестер, дочерей Атланта, превращенных в звезды. Седьмая из них, Меропа, выйдя замуж за смертного, превратилась также в смертную и, стыдясь своей участи, часто прячется и не видна на небосклоне.

6

Гольдони, Карло (1707–1793) — выдающийся итальянский драматург.

7

Скудо — старинная итальянская золотая и серебряная монета.

8

Риальто — один из островов, на которых расположена Венеция. Здесь имеется в виду мост Понте-Риальто.

9

Алеппо — город в Сирии.

10

Скука!

(итал.)

11

Услужливый поклонник

(итал.).

12

Чичисбей. В XVI–XVIII вв. в Италии — постоянный спутник и поклонник замужней женщины

(итал.).

13

Любовник

(исп.).

14

Тахо — река на Пиренейском полуострове.

15

С глазу на глаз

(франц.).

16

Канова, Антонио (1757–1822) — итальянский скульптор.

17

Регент — принц-регент Георг, с 1820 г. английский король Георг IV.

18

Воксхолл — в XVIII в. — увеселительный парк на южном берегу Темзы в Лондоне, с 1822 г. — Королевский парк.

19

Ридотто — в Венеции зал для концертов и маскарадов.

20

Как духов Банко... — Банко — действующее лицо в трагедии В. Шекспира «Макбет».

21

Вильберфорс (Уилберфорс) (1759–1833) — английский политический деятель, ратовал за трезвость.

22

«Синие» — участники вечерних приемов-встреч с видными представителями литературы, которые устраивались в некоторых лондонских домах в 80-х годах XVIII в., получившие название «клубов синих чулок».

23

Бозерби. — Под этим именем Байрон вывел английского поэта Уильяма Сотби (1757–1833).

24

Полакка — торговое судно

(итал.).

25

Мыс Бон — самая северная оконечность Туниса.

А. Николюкин